

МАНИФЕСТ АРТЕЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА

Система, которая заменит капитализм

РОХА

Манифест артельного социализма

«Автор»

2026

РОХА

Манифест артельного социализма / РОХА — «Автор», 2026

«Манифест артельного социализма» — это жесткий ответ экономическому тупику XXI века. Капитализм превратил человека в ресурс, выжимая силы ради сверхприбылей корпораций. Роботы лишают рабочих мест, патенты тормозят науку, а вещи ломаются сразу после гарантии. Но и советский опыт с тотальным Госпланом, бюрократией и уравниловкой зашел в тупик. Автор предлагает третий путь — артельный социализм в границах независимой автаркии. Эта книга ломает шаблоны и дает готовую модель экономики будущего. Как направить личный азарт человека на благо общества? Зачем ограничивать фабрики лимитом в 50 тружеников? Как запустить маховик, при котором цены падают, а реальные доходы растут каждые три года? Здесь нет абстрактных лозунгов. Только суровая логика и конкретные механизмы: динамические ценовые коридоры, ликвидация кредитного рабства, заводы-испытатели инноваций и диктатура качества. Пришло время сорвать покров молчания и заявить о праве рабочего человека на справедливую жизнь.

© РОХА, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Проблемы капитализма.	5
Глава 2. Экономика артельного социализма.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

РОХА

Манифест артельного социализма

Глава 1. Проблемы капитализма.

Глава 1.1. Пролетариат.

Современная капиталистическая система превратила человека в ресурс. Корпоративные дедлайны, штрафы и нещадная эксплуатация опустошают личность рабочего, выжимая из него все силы ради одной цели — обогащения крупного капитала. Пока пролетариат отдает свое здоровье на рабочих местах, буржуазия присваивает результаты этого труда, увеличивая разрыв в доходах в сотни раз. У современного рабочего нет выбора: либо тотальное подчинение правилам рынка сегодня, либо безжалостное уничтожение его жизни системой завтра.

Почему в большинстве стран экономическая и правовая система подавляет или ставит вне закона коллективные формы хозяйствования? Ответ очевиден: **кооперативное производство — это жизнеспособная альтернатива диктату крупного бизнеса**.

В классической корпорации наемный работник находится на самой низшей ступени и полностью бесправен. Напротив, в производственном кооперативе каждый труженик является полноправным совладельцем общего дела. Здесь уничтожается сама основа эксплуатации. Заработок распределяется по справедливому социалистическому принципу: **«От каждого по способностям — каждому по его труду»**.

Капитализм обещает карьерный рост за усердие, но в реальности работяга получает лишь новые обязанности, несопоставимые с ростом зарплаты. В кооперативе же искренний труд каждого идет на благо всего коллектива, а значит — на благо самого себя.

Капитализм XXI века создал иллюзию всеобщего прогресса. Читая эти строки через высокоскоростной интернет, легко забыть, что для сотен миллионов людей на планете базовые технологии остаются недоступной роскошью. Мировая экономическая система расколота на два параллельных мира: мир сытого цифрового потребления и настоящий производственный ад.

В этом аду нет автоматизации. Там миллионы бесправных рабочих изо дня в день, по 12 и более часов, трудятся вручную, не покладая рук. В этих регионах капитал сознательно отказывается от модернизации, ведь ручной труд угнетенного населения стоит дешевле обслуживания станков.

Финал этого изнурительного марафона всегда одинаков. Опустошенный человек с замыленным от усталости взором протягивает свои сухие, мозолистые руки к хозяину производства, чтобы получить расчет. Но вместо справедливой платы за угробленное здоровье он получает гроши, которых едва хватает на физическое выживание и покупку самой скудной еды. Капитал забирает у пролетария всё его время и жизнь, возвращая лишь абсолютный минимум, необходимый для того, чтобы рабочий не умер с голоду и завтра снова пришел на фабрику.

Не обманывайте себя: закрывая глаза на глобальную несправедливость, вы не остаетесь в стороне — вы ее поддерживаете. Ежедневно каждый из нас пользуется огромным количеством благ, одежды и гаджетов, созданных рабским трудом того самого беднейшего населения планеты. Считать, что можно сидеть сложа руки, игнорировать чужую боль и при этом оставаться «приличным, нормальным человеком» — это высшая форма лицемерия.

Разумеется, призыв бойкотировать товары корпораций бессмысленен, ведь в рамках системы такой шаг навредит лишь самому потребителю. Но этот текст — прямое обращение к представителям иных идеологий.

Я обращаюсь к вам: консерваторы, националисты, либералы и весь правый электорат. Вы действительно уверены в собственной правоте? Вы правда верите, что поступаете благородно, запершись в своем тихом, сытом, изолированном мирке, сознательно не замечая катастрофы за окном и отказывая в помощи тем, кто находится на самом дне капиталистического ада? Ваше благополучие оплачено чужими слезами, и ваше молчание — это соучастие.

мой первый и главный призыв сегодня прост: прекратите закрывать глаза. Начните открыто говорить, освещать и распространять правду об этой глобальной несправедливости.

Глупо надеяться, что эти слова пробудят совесть буржуазии — капитал глух к морали, когда на кону стоит прибыль. Но эта информационная борьба необходима для другого. Она должна объединить угнетенных в едином и непоколебимом понимании: существующий мировой порядок глубоко порочен, а несправедливость творится сплошь и рядом.

Пришло время сорвать покров молчания. Пришло время пробудить общество от спячки и призвать простой люд к великой, не знающей границ **пролетарской солидарности** !

Глава 1.2. Монополия на рынке, проблема качества товара и патента.

Главный миф апологетов капитализма заключается в том, что эта система якобы гарантирует «свободу рынка» и честную конкуренцию. Реальность доказывает обратное: так называемая рыночная свобода неизбежно порождает свою противоположность — тотальную монополию.

Любому крупному капиталу свойственно бесконтрольное расширение. Набирая силу, монополистический гигант начинает пожирать окружающее экономическое пространство. У него есть два пути уничтожения конкурентов: либо скупить перспективные молодые компании на корню, либо задушить мелкий и средний бизнес агрессивным демпингом и ресурсами. В обоих сценариях крупный капитал побеждает со стопроцентной гарантией.

Уничтожив конкуренцию, монополия лишает человечество выбора. Когда целая отрасль контролируется одним игроком или его скрытыми дочерними фирмами, на рынке просто некому выступить с более качественным и дешевым товаром. Это открывает путь к безграничному ценовому диктату — цены растут исключительно ради сверхприбылей паразитирующего меньшинства, ведь у потребителя нет альтернативы.

Ситуация становится еще более циничной, когда несколько крупнейших игроков устраивают **картельный сговор**. Они искусственно и одновременно завышают цены на базовые товары и сырье. Это делается умышленно, чтобы задушить любую попытку низового производства: простому человеку или независимому кооперативу становится экономически невыгодно создавать продукт самостоятельно. Свободный рынок превращается в закрытый клуб рабовладельцев, где правила диктует только кошелек.

Монополизация рынка неизбежно ведет к производственному цинизму. Обретя абсолютную власть и задушив конкурентов, капитал наглеет настолько, что сознательно отказывается от поддержания стандартов качества.

В социалистическом обществе качество продукции жестко регулировалось государством на высшем уровне — через систему ГОСТа, защищавшую интересы трудящихся. При капитализме же этот стержень уничтожен. Единственным слабым барьером для монополиста остается либеральный закон, который крупный бизнес легко обходит ради удешевления сырья. В погоне за сверхприбылью корпорации экономят на безопасности и долговечности вещей, подсовывая потребителю низкосортный суррогат.

Этот же кризис поражает и производительность труда. Логика монополии строится не на качественном, а на примитивном количественном расширении: запустить больше конвейеров, открыть больше потогонных фабрик, нанять больше дешевой рабочей силы. Реальный технологический прогресс обходится капиталу слишком дорого.

Если же в недрах корпорации и рождается прорывная технология, способная облегчить труд человека или улучшить продукт, капитализм немедленно изолирует ее от мира. Меха-

низмы коммерческой тайны, патентов и авторских прав превращаются в инструменты сокрытия знаний. Уникальные изобретения десятилетиями пылятся под замком ради удержания рыночной власти, что подрывает научно-техническое развитие всего человеческого общества, искусственно удерживая его в технологической отсталости.

Поразительно, но в этой системе деградация качества преследует еще одну, куда более циничную цель. По злой иронии капитализма, корпорации делают товары недолговечными умышленно. Внедряя механизмы **запланированного устаревания**, они искусственно формируют у населения постоянную нужду в новых покупках.

Логика бизнеса проста и беспощадна: если вещь сделана на века, потребитель вряд ли вернется за второй. Чтобы конвейер сверхприбылей не останавливался, техника должна ломаться сразу после истечения гарантийного срока, одежда — рваться через месяц, а детали — изнашиваться. Капитал сознательно принуждает человечество покупать одно и то же по кругу.

В этой безумной погоне за обогащением система окончательно теряет свой первоначальный смысл — удовлетворение человеческих потребностей. Капиталисту становится абсолютно плевать как на пролетария, чьими руками создается вещь, так и на сам продукт своего производства. Вещь перестает быть полезным предметом; она становится лишь временным, быстро гниющим носителем, из которого нужно как можно скорее выжать деньги потребителя, чтобы затем выбросить на свалку.

Глава 1.3. Искусственный дефицит.

Мы подошли к самой абсурдной, циничной и жестокой черте капитализма — концепции искусственного дефицита. В погоне за удержанием высоких цен система порождает чудовищный парадокс: корпорации умышленно уничтожают излишки произведенных товаров, если спрос на рынке начинает падать. Вместо того чтобы снизить стоимость продукции и сделать ее доступной, капитал предпочитает утилизировать «лишнее».

Самое отвратительное и жалкое в этом механизме — тотальное презрение к человеческой нужде. В то время как миллионы бедных семей по всему миру голодают и лишены элементарных благ, тонны пригодной еды, мебели, одежды и предметов первой необходимости отправляются под пресс или на свалку. Плоды изнурительного труда пролетариата уничтожаются лишь ради того, чтобы не пострадали финансовые отчеты олигархии.

Этот абсурд наносит сокрушительный удар по экологии планеты. Потогонные фабрики варварски сжигают ресурсы и отравляют воздух токсичными выбросами, производя продукцию, которой изначально суждено гнить на помойке. Огромные объемы перерабатываемого мусора погребает под собой земля. Капитализм превратился в безумную машину, которая впустую выжимает соки из рабочего, впустую грабит природу и уничтожает готовое богатство на глазах у нищающего человечества. Этот ужас стал слишком опасен для жизни на Земле. С ним нельзя мириться — с ним необходимо бороться.

Глава 1.4. Проблема автоматизации.

Настоящим индикатором исторической обреченности капитализма является проблема автоматизации. Важно подчеркнуть: вытеснение человека машиной становится катастрофой **исключительно в условиях рынка**. При социалистическом строе автоматизация — это безусловное благо, снижающее нагрузку на рабочий класс, ведь плановая экономика всегда гарантирует каждому человеку право на достойный труд, переобучение и справедливое распределение созданных роботами богатств.

При капитализме же этот процесс превращается в трагедию. Корпорации активно внедряют автоматические системы и алгоритмы с одной единственной целью — сократить расходы на заработную плату. Живой пролетарий безжалостно выбрасывается на улицу, как только его труд становится дороже обслуживания механизмов. Вытесненные из производственных цепочек люди оказываются заперты в тисках безысходности: они вынуждены либо пополнять мно-

гомиллионную армию безработных, либо соглашаться на самую унижительную, низкооплачиваемую работу, до которой автоматизация еще не дотянулась.

Целые профессии исчезают одна за другой, и этот маховик будет раскручиваться до тех пор, пока это приносит прибыль верхушке капитала. Капиталистическая олигархия продолжит цинично ликовать, подсчитывая доходы от роботизированных фабрик, полностью закрывая глаза на то, что они обрекают миллионы семей на медленное социальное вымирание. Система зашла в тупик: она создает технологии будущего, чтобы окончательно уничтожить будущее простого человека.

Глава 1.5. Историческая неизбежность социализма.

Диалектика истории неумолима: вопреки всем усилиям олигархии, капиталистический мир шаг за шагом вынужден отступать перед неизбежностью социализма. Чтобы осознать масштаб этого сдвига, достаточно взглянуть на историческую ретроспективу. Всего столетие назад рабочий класс находился в абсолютном правовом вакууме. Капиталисты обладали безграничной властью, беспощадно эксплуатируя женщин и детей в рамках варварского 12–16-часового рабочего дня. У пролетариата не было ни юридической защиты, ни права на человеческое существование.

Переломным моментом, сокрушившим этот рабовладельческий порядок, стала Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Победа большевиков наглядно доказала, что власть капитала можно и нужно свергнуть. Напуганная призраком коммунизма, мировая буржуазия в лице правительств Великобритании, Франции и других империалистических держав была вынуждена пойти на беспрецедентные уступки. Лояльность к собственным рабочим, введение социальных гарантий и сокращение рабочего дня на Западе — это не щедрость капиталистов, а их животный страх перед неизбежным восстанием масс.

Вторым мощным ударом по старой системе стал распад колониальных империй после Второй мировой войны. Человечество, столкнувшись с ужасами нацизма, наконец осознало, что колониальная политика ведущих держав, замешанная на расизме и рабском труде в Африке и Азии, ничем не отличается от гитлеровского фашизма. Содержание колоний стало не только морально невыносимым, но и экономически неподъемным для истощенных метрополий.

Сегодня, в XXI веке, маховик истории привел к тому, что во многих развитых странах рабочий класс имеет весомые права: относительно высокие зарплаты, бесплатную медицину, доступное образование и признанный международный стандарт в виде 8-часового рабочего дня или 40-часовой рабочей недели. Однако этот фасад благополучия не должен вводить в заблуждение. Подлинный оскал капитализма отчетливо виден там, где система оставила свои самые глубокие и кровавые шрамы.

Взгляните на карту мира. Нищета африканского континента — это прямое следствие вековой колониальной эксплуатации. Бывшие хозяева веками выкачивали из этих земель ресурсы, намеренно блокируя любое развитие, которое не приносило прямой выгоды метрополиям.

Не меньшим цинизмом веет и от стран, которые официально провозглашают левый курс, но на деле встроились в глобальный рынок и переняли худшие черты капитализма. В Китайской Народной Республике или Вьетнаме макроэкономические показатели могут поражать воображение, но за красивыми отчетами скрывается суровая реальность: миллионы пролетариев там до сих пор вкалывают по 12 часов в сутки, а их заработка едва хватает на физическое выживание впритык.

Те же государства, которые пытаются сохранить верность социалистическим идеалам — как Куба — оказываются задушены жесточайшей экономической блокадой и санкциями западного капитала. Колониальное наследие и тирания мирового рынка продолжают удерживать в тисках бедности огромные регионы планеты: от Лаоса и Камбоджи до Суринама, Гайаны и многомиллионной Индии.

Все эти факты доказывают одно: капитализм исчерпал себя. Каждый социальный шаг вперед, совершенный человечеством за последний век — это не заслуга рынка, это победа социалистических принципов. Полный демонтаж капиталистической машины и переход к артельному социализму — единственный путь спасения для угнетенного человечества.

Глава 2. Экономика артельного социализма.

Глава 2.1. Диалектика коллективного производства и роль государства.

В ортодоксальной социалистической мысли долгое время существовала пагубная тенденция — клеймить артельное (кооперативное) производство как скрытую форму капитализма и проявление частно-собственнического духа. Сторонники тотального огосударствления критиковали артели за внешнее сходство с рыночной системой: наличие конкуренции и стремление к материальной выгоде. Однако сам Карл Маркс никогда не отрицал жизнеспособность кооперативов и не отзывался о них дурно. Стремление человека получать больше, соревноваться и обеспечивать лучшее будущее для себя и своего коллектива — это естественный биологический стимул, человеческая прихоть быть лучше соперника, которую глупо игнорировать. Наша задача — не подавить этот стимул, а направить его на благо общества. Артельный кооператив — это идеальное сочетание личной инициативы труженика с социалистическим базисом.

Почему же кооперативное движение неизбежно терпело крах внутри капиталистической системы? В условиях дикого рынка любое коллективное предприятие склонно исключительно к экстенсивному расширению в масштабах, при этом совершенно не развиваясь качественно или технологически. Когда производство разрастается, рабочих становится слишком много, из-за чего им становится трудно совместно обо всем договариваться, делить заработную плату и осуществлять рабочий контроль. В конечном итоге в агрессивной капиталистической среде малое предприятие не способно выдержать конкуренцию и вырождается: коллективное производство превращается в частное. Рабочие перестают быть совладельцами и тружениками, превращаясь в обычных безликих акционеров. В таких условиях контроль цен и бескомпромиссный надзор за качеством продукции становятся попросту невозможными.

Социализм же невероятно и изящно решает эту проблему. Обладая достаточными рычагами контроля, социалистическое государство способно жестко ограничить промышленность в масштабе. Если законодательно установить лимит — например, не более 50 тружеников на одну фабрику, — то у артели исчезает возможность экстенсивного расширения. В таких условиях артели вынуждены конкурировать друг с другом исключительно в **технологическом плане**.

Из этого искусственного, но глубоко прогрессивного ограничения вытекают три фундаментальных преимущества:

Личное знакомство с коллективом: в коллективе из 50 человек все знают друг друга в лицо. Здесь невозможны кумовство, халява или бюрократия — вклад каждого на виду, что порождает тесную солидарность.

Взрывной рост производительности труда: рабочие кровно заинтересованы во внедрении лучших технологий, ведь это облегчает их труд и увеличивает общий доход.

Бескомпромиссное качество продукции: артель отвечает за свой товар собственным именем и благополучием.

Такой подход ни в чем не нарушает классическое учение Маркса. Однако социалистам прошлого было трудно представить, что механизмы, внешне похожие на рыночные, могут стать важнейшим и здоровым звеном социалистической индустрии. Если бы в легкой промышленности был установлен полный синдикализм, плановая экономика проявила бы себя с наилучшей стороны. Государству больше не пришлось бы контролировать то, в чем плановая система традиционно слаба — гибкий, изменчивый сектор легкой промышленности и товаров народного потребления.

При этом артельное производство применимо и в тяжелой промышленности. Как известно, одной из фундаментальных проблем социализма является отсутствие здорового сти-

мула к соревнованию. Артели решают этот вопрос. Их экономическое соперничество запускает мощный, невиданный для капитализма маховик:

Конкуренция заставляет артели непрерывно увеличивать производительность труда и внедрять новые технологии.

Рост производительности труда стремительно **снижает себестоимость продукции, а следовательно — и конечные розничные цены.**

Из-за падения цен резко повышается покупательная способность населения и рождается высокий спрос на товары.

Но поскольку производительность труда артели уже выросла, коллектив с легкостью и без дефицита полностью покрывает этот возросший спрос.

Выполнение больших объемов качественного товара при низкой себестоимости позволяет артели **закономерно увеличивать заработную плату своим рабочим.**

В результате этого гениального экономического цикла общество получает уникальный феномен: в стране одновременно **растут реальные зарплаты трудящихся и снижаются цены на товары.** Далее цикл повторяется на новом историческом витке: очередное повышение производительности, новое уменьшение цен, очередной рост спроса, доходов и уровня жизни советского человека.

Исключение здесь составляет лишь **тяжелая промышленность.** В силу масштабности и технологической сложности стратегических производств, штаты таких артелей должны быть кратно выше — условно, **до 5000 рабочих на производстве и до 2000 сотрудников в конструкторских бюро (КБ).**

Промышленный базис страны разделяется по паритетному принципу — **«пятьдесят на пятьдесят».** Если у государства есть 100 заводов, они должны разделиться: 50 заводов передаются в управление артелям, а 50 заводов остаются под прямым управлением госаппарата. Зачем же тогда вообще нужен госаппарат? Не проще ли полностью передать все заводы и фабрики в руки независимых артелей?

Нет, не проще. Полная анархия рано или поздно разрушит экономику. Государственный аппарат жизненно необходим как верховный арбитр, контролирующий орган и стратегический планировщик. Без его жесткого контроля и надзора промышленная система обречена на хаос. При этом госаппарат не должен подавлять или душить артели. Их отношения обязаны строиться на началах совместного сосуществования без внутренней борьбы — по аналогии с **двухпарламентской системой**, где у каждой стороны есть свои незыблемые права, но строго в своей сфере ответственности.

Главная обязанность госаппарата — обеспечивать артели заводами, фабриками и закладывать их материальный фундамент. Поскольку коллектив тяжелой промышленности не может позволить себе содержание гигантского производства без сторонней помощи, государство предоставляет артелям тяжпрома **стабильный и гарантированный лизинг** на крупные производственные мощности. В свою очередь, артели тяжелой промышленности обеспечивают орудиями производства, станками и оборудованием артели легпрома. Этот внутренний лизинг между отраслями эффективно поддерживает стабильный спрос внутри плановой системы.

Государство также берет на себя технологические субсидии, направленные исключительно на повышение производительности труда и качества товаров. Поскольку развитие технологий становится главным условием выживания и победы в социалистическом соревновании, **Конструкторские Бюро (КБ) должны быть пристроены к каждой артели.** Эти КБ будут напрямую субсидировать государство. Ведь высшей и единственной целью социализма является непрерывное повышение производительности труда и бескомпромиссное качество продукта ради удовлетворения потребностей человека, а не погоня за капиталом.

Глава 2.2. Механизмы гибкого ценообразования и защита от монопольного сговора.

Контроль над ценообразованием — это важнейший идеологический и экономический рубеж. Без него артельный социализм неизбежно переродится в дикий капитализм, где правят бал картельные сговоры, искусственное завышение стоимости товаров и умышленный демпинг ради уничтожения конкурентов. Однако здесь левая мысль прошлого совершила роковую ошибку, ударившись в другую крайность — тотальную фиксацию цен. Намертво замороженная государством цена опасна: она убивает живую человеческую мотивацию к заработку, лишает производство гибкости и полностью уничтожает ценообразование как важнейшую ветвь социалистического соревнования.

Раз правыми экономистами доказана пагубность слепого рынка, а левой практикой — неэффективность жестких директивных цен, мы должны заявить о третьем, истинно социалистическом пути. Цены в нашей системе должны быть не фиксированными, а **динамически ограниченными**. Государство не назначает конечную стоимость товара, но оно устанавливает жесткий экономический коридор — верхний и нижний пределы, за рамки которых ни одна артель не имеет права выйти.

Масштаб этого ценового коридора регулируется госаппаратом в зависимости от текущих стратегических задач общества:

Широкий коридор (до пяти себестоимостей): вводится тогда, когда государству необходимо стимулировать взрывной рост количества артелей и подстегнуть максимальную конкуренцию. Высокая потенциальная прибыль привлекает новые трудовые коллективы и форсирует насыщение рынка. Однако в этой зоне повышается риск картельных договоров между крупными артелями, стремящимися завысить цены или устроить ценовую облаву на новичков. Контролировать такой широкий рынок госаппарату значительно легче, но он требует пристального внимания к монопольным проявлениям.

Узкий коридор (до двух себестоимостей): применяется для бескомпромиссной борьбы с остаточными ужасами капиталистического ценообразования. Государство зажимает аппетиты производителей, защищая карман потребителя. В таких условиях заработок артелей становится скромнее, а сам государственный контроль — математически более сложным и скрупулезным, но это гарантирует абсолютную социальную справедливость и доступность благ для народа.

Вторым фундаментальным столпом нашей ценовой политики является **запрет на торговлю ниже себестоимости**. Либеральные демагоги могут заявить, будто ни одна артель в здравом уме не станет продавать продукцию себе в убыток. Это ложь, опровергнутая всей историей рынка. Капиталистический хищник регулярно идет на сознательные убытки, временно опуская цены ниже черты выживания, с одной единственной целью — задушить, обанкротить молодого независимого конкурента, а затем, оставшись монополистом, вернуть цены с тройной накруткой. В артельном социализме этот циничный трюк объявлен вне закона. Нижний порог цены жестко привязан к реальной себестоимости продукта. Никто не имеет права торговать в минус ради удушения товарищей по цеху.

Таким образом, государственное регулирование превращает ценообразование из инструмента грабежа и разорения в цивилизованный инструмент стимулирования прогресса. Артель вольна играть ценой, снижать её за счет внедрения технологий и привлекать покупателя, но она навсегда лишена возможности паразитировать на дефиците или уничтожать чужой честный труд финансовым превосходством.

Глава 2.3. Ликвидация патентного рабства и свободный научно-технический прогресс.

Патентная система капитализма — это главный тормоз для распространения человеческого гения. В обществе артельного социализма нет места патентным замкам: любое научное открытие и любая передовая технология должны распространяться сиюминутно и становиться достоянием всего трудового народа.

Однако либеральные скептики немедленно зададут вопрос: если изобретение сразу уходит в открытый доступ, не убьет ли это стимул к технологическому соревнованию? Зачем артели тратить силы на инновации, если завтра их бесплатно скопируют соседи? Мы ответим: нет, не убьет. Напротив, наша система выводит соревнование на невиданный, честный уровень, где новаторы получают колоссальный и заслуженный профит.

Представьте экономический маховик этой системы на практике:

Технологический прорыв: артель силами своего Конструкторского Бюро (КБ) изобретает новый автоматизированный станок. С его помощью производительность труда коллектива мгновенно вырастает в два раза — вместо 15 единиц товара они производят 30.

Государственная премия первопроходцам: технология тут же публикуется в открытом реестре, но артель-изобретатель получает от государства уникальное преимущество — **абсолютно бесплатное и первоочередное переоснащение** своего производства этими новыми станками.

Временный отрыв: за счёт бесплатной модернизации эта артель мгновенно и законно снижает себестоимость своего продукта. Она временно, но ощутимо обгоняет всех конкурентов на рынке, получая мощный приток доходов. Если в разработке активно участвовало КБ артели — их зарплаты и премии пропорционально возрастают.

Погоня конкурентов: чтобы не остаться на обочине и догнать вырвавшегося вперед лидера, остальным артелям отрасли приходится судорожно перестраиваться. Но они уже не могут получить эти станки бесплатно — им приходится брать их в **платный лизинг** у артелей тяжелой промышленности, что автоматически поддерживает спрос в стратегическом секторе экономики.

Более того, право на научное творчество в нашей системе не заперто в стенах закрытых корпоративных лабораторий. Абсолютно любой человек — простой рабочий, независимый изобретатель или группа энтузиастов — должен иметь беспрепятственный доступ к научно-технической базе.

Механизм реализации народного гения выглядит следующим образом:

Каждый гражданин, создавший прорывной чертеж или рацпредложение, направляется в специальный **Государственный технологический отдел**. Если теоретическая экспертиза подтверждает жизнеспособность проекта, чертеж отправляется на практику. Для этого государство содержит обособленные **заводы-испытатели (площадки тест-драйва инноваций)**.

Эти заводы выполняют священную функцию — они являются официальным, незыблемым правом рабочих на эксперимент. Они полностью выведены из гражданского оборота и коммерческого рынка. Им строжайше запрещено участвовать в обычном промышленном производстве или выполнять текущие директивные планы. Стоит только допустить эти лаборатории до массового выпуска, как госаппарат немедленно превратит их в очередные заурядные заводы, задушив дух новаторства бюрократией. Их единственная обязанность — собирать, тестировать и доводить до идеала опытные образцы человеческой мысли. Если тест-драйв прошел успешно, изобретатель получает всеобщее признание и материальное обеспечение, а станки уходят в серию.

Как же этот маховик работает в недрах тяжелой промышленности? Точно так же, по зеркальной схеме. Но поскольку артели тяжпрома сами производят средства производства, для удержания баланса и недопущения их монопольного зажатия, инновационные станки для их собственного переоснащения создаются и выдаются в лизинг **напрямую государством**. Это цементирует стабильность всей макросистемы.

Этот экономический принцип превращает погоню за инновациями в захватывающее и бескомпромиссное соревнование. Но накал этой борьбы становится еще более серьезным когда мы перейдем к следующему пункту.

Глава 2.4. Системное уменьшение цен как показатель прогресса и благополучия.

В успешном социалистическом государстве регулярное, плановое снижение розничных цен является непреложным законом. Граждане общества должны ощущать плоды научно-технического прогресса не по сухим отчетам чиновников, а по реальному содержанию своих кошельков. Системное удешевление жизни — это главный маркер общественного благополучия и важнейшая экономическая веха на пути перехода к коммунистическому распределению.

Этот процесс должен носить циклический характер: например, централизованный пересмотр и снижение ценовых потолков госаппаратом производится раз в три года.

Механизм этого маховика прост и величествен: артель совместно с КБ внедряет передовое оборудование. Производительность труда резко увеличивается, а себестоимость единицы товара падает. У трудового коллектива появляется мощный стимул внедрять новые технологии как можно быстрее — им необходимо успеть выжать максимальную экономическую прибыль до того момента, как государство зафиксирует падение себестоимости и опустит ценовой коридор. Когда верхний предел цены законодательно снижается, розничный товар по всей стране повально дешевеет. Падение цен зеркально взрывает покупательский спрос. Благодаря выросшей производительности артель легко покрывает этот спрос удвоенным выпуском. Даже если номинальный заработок рабочего в цифрах временно стабилизируется, его реальная покупательная способность колоссально возрастает.

Рассмотрим этот гениальный микроэкономический цикл на конкретных, математически выверенных цифрах.

Этап 1. До модернизации.

Артель выпускает 100 единиц продукта в месяц. Себестоимость производства составляет 50 рублей за штуку, а продается товар по максимальной рыночной цене в 100 рублей.

Общая выручка: 10 000 рублей.

Издержки: 5 000 рублей.

Чистая прибыль до налогов: 5 000 рублей.

Из этой суммы артель выплачивает совокупный налог в размере 15%: 10% направляется в специальный фонд выравнивания доходов (на повышение зарплат учителям, врачам и строителям), а 5% удерживает госаппарат на поддержание макроэкономики и субсидирование КБ. После уплаты налогов (750 рублей) чистый доход коллектива составляет **4 250 рублей**.

Этап 2. Внедрение технологии (До указа о снижении цен).

КБ артели создает новый станок. Себестоимость падает в два раза — до 25 рублей. Цена на рынке пока остается прежней (100 рублей).

Выручка при выпуске тех же 100 продуктов: 10 000 рублей.

Издержки падают до 2 500 рублей.

Чистая прибыль взлетает до 7 500 рублей (рост в 1,5 раза!).

Соответственно, растут и налоговые отчисления: 15% теперь составляют 1 125 рублей (750 рублей уходит учителям, 375 — государству). Чистый остаток артели увеличивается до **6 375 рублей**. Зарплаты рабочих и инженеров КБ на этом промежуточном этапе совершают резкий рывок.

Этап 3. Государственное снижение цен.

Наступает плановый рубеж. Государство видит падение издержек и опускает ценовой потолок в два раза: теперь продукт стоит максимум 50 рублей. Но так как производительность труда артели выросла, коллектив за счет автоматизации удваивает выпуск — до 200 единиц товара.

Новая выручка: 200 штук × 50 рублей = 10 000 рублей.

Общие издержки: 200 штук × 25 рублей = 5 000 рублей.

Чистая прибыль возвращается к отметке 5 000 рублей.

После уплаты 15% налога (750 рублей) в распоряжении артели снова остаются базовые **4 250 рублей**. Но посмотрите, что произошло в масштабах всей системы! Продукт подешевел в два раза, а значит, покупательная способность рубля по всей стране зеркально удвоилась. Оставшиеся у артели 4 250 рублей теперь обладают силой прежних 8 500 рублей! Простой труженик стал богаче ровно в два раза.

Специфика артельного производства такова, что за счет сверхуспешных инноваций промышленные коллективы объективно зарабатывают больше, чем представители непродуцированной сферы. Тщательно выверенная система 15%-го налогообложения, где львиная доля прибыли уходит на дотации учителям и строителям, полностью ликвидирует эту диспропорцию. Это не позволяет обществу расколоться на новые привилегированные классы и сводит классовое неравенство к абсолютному историческому минимуму.

Глава 2.5. Внутреннее распределение доходов, эволюция жилья и государственная диктатура качества.

Закрывая экономический блок нашего манифеста, необходимо сокрушить последние либеральные мифы о том, будто коллективное производство неизбежно скатывается в уравниловку и ленивый хаос. В системе артельного социализма распределение доходов внутри пятидесяти тружеников прозрачно и справедливо, поскольку оно напрямую привязано к реальному физическому и интеллектуальному вкладу каждого человека.

Внутренний механизм артели автономен, но подчинен строгому социалистическому закону:

Каждый член коллектива обязан выполнить установленный необходимый производственный минимум. Всё, что произведено сверх этой нормы, скрупулезно фиксируется как индивидуальный трудовой излишек конкретного рабочего. После реализации продукции на коридорном рынке артель получает выручку, и итоговая заработная плата выдается каждому труженику в строгой зависимости от объема и качества зафиксированных им излишков. Хочешь зарабатывать больше — внедряй рационализаторские предложения, оттачивай мастерство, увеличивай выработку, и система гарантирует, что плоды твоего сверхусилия не будут присвоены жиреющим капиталистом, а целиком вернутся в твой карман.

Финансовый базис государства полностью очищен от спекулятивного паразитизма. В нашей экономике нет места ростовщическому кредиту, высасывающему соки из населения. Единственная форма долгосрочной поддержки производства — это **беспроцентный государственный лизинг** оборудования и площадей, о котором было сказано ранее. Кредитная кабала ликвидирована как класс.

Исключение на переходном этапе составляет лишь ипотечное кредитование, но и оно обречено на быстрое отмирание. Сильное артельное государство способно в кратчайшие сроки решить вековой жилищный вопрос. Мы гарантируем развертывание колоссального масштабного строительства и предоставление **бесплатного государственного жилья** трудящимся без унижительного советского ожидания в очередях по 10–15 лет. Как этого достичь? За счет мощнейшего привлечения передового пролетариата, инженеров и строителей со всего мира, которые устремятся в нашу державу, привлеченные лучшими условиями труда, свободой от эксплуатации и гарантированным будущим для своих детей.

Но что происходит, если артель теряет бдительность и начинает производить плохой, низкосортный товар? Разумеется, первым сигналом станет моментальный отклик и недовольство народа: спрос на продукцию такого коллектива рухнет, а вслед за ним упадут и доходы самих рабочих. Но что делать, если ослепленный коллектив упорствует в своем невежестве и не желает добровольно повышать планку?

Социалистический госаппарат решает эту проблему не репрессиями, а созданием **экономических стимулов для бескомпромиссного качества**. Государство провозглашает закон: высшее качество продукции требует больших затрат, а значит — объективно увеличивает её

себестоимость. Взамен на честное улучшение характеристик товара государство официально расширяет для такой артели ценовой коридор. Продукт получает почетную пометку **«Одобрено государством. Высшее качество»**, и артель получает законное право продавать его дороже.

Этот механизм создает уникальный экономический феномен. Когда на определенном историческом этапе чистая модернизация и гонка за производительностью труда (количеством) временно замедляются, артелям становится экономически выгодно переключаться на борьбу за **качество**. Рабочие осознают: сделаешь вещь безупречной, долговечной и полезной для общества — государство подтвердит твой статус, потребитель с радостью проголосует рублем, а твой личный доход вырастет. Таким образом, качество из обузы превращается в главный инструмент выживания артели в социалистическом соревновании.

Глава 2.6. Ресурсный барьер, плановый консерватизм и автаркия.

Великий научно-технический прогресс, запущенный системой артельного социализма, неизбежно сталкивается с суровыми законами материального мира. В отличие от капиталистической системы, которая живет в иллюзии бесконечных ресурсов и грабит планету ради дутых цифр финансовой прибыли, наша экономика опирается на строгий учет и физическую реальность. Бурное развитие автоматизации, повсеместное внедрение робототехники и удвоение объемов производства каждые три года рожают колоссальное, экспоненциальное требование к сырьевой базе.

И именно здесь кроется главный экзистенциальный вызов: что делать, если государство упрется в физический ресурсный барьер? Что делать, если разведанных запасов металлов, энергии или редких элементов временно перестанет хватать для обеспечения всех пятидесяти тысяч новых станков, созданных народными КБ?

В этот критический момент социалистический госаппарат включает механизм **осознанного планового консерватизма**. Вся экономика переводится в режим стабилизации, призванный защитить систему от сырьевого голода и хаоса.

Политика планового консерватизма базируется на трех незыблемых столпах:

Непрерывность научной мысли: Государство ни на секунду не прекращает поддержку и субсидирование фундаментальной науки. Творческий гений пролетариата не должен быть скован. Государственный технологический отдел по-прежнему принимает чертежи и изобретения граждан, а авторы получают полновесные материальные вознаграждения и премии за свои прорывы.

Временное замораживание внедрения: Выплачивая премии за чертежи, государство официально налагает временный запрет на их массовое внедрение в серийное производство. Промышленности строгойше запрещается запускать новые линии, если госаппарат математически не может гарантировать их бесперебойное обеспечение сырьем. Изобретения аккумулируются в государственном резерве, дожидаясь своего исторического часа.

Курс на интенсивное освоение: Вся освободившаяся мощь тяжелой промышленности и научного потенциала перенаправляется на решение одной задачи — расширение ресурсной базы. Государство бросает силы на геологоразведку, разработку новых месторождений, повышение эффективности добычи и глубокую переработку вторичного сырья.

Эта политика консерватизма и сдерживания — временная, но священная мера. Она действует ровно до тех пор, пока экономика не закроет все дефицитные бреши и не нарастит добычу ресурсов до уровня, способного полностью покрыть потребности новой волны прогресса. Как только сырьевой базис восстановлен — плотина сдерживания рушится, и замороженные технологии из резерва массово устремляются на фабрики, запуская новый цикл стремительного роста.

При этом артельное государство раз и навсегда отказывается от губительной иллюзии международной торговли с капиталистическими странами. Рассчитывать на поставки сырья или

компонентов из лагеря классового врага — это высшая форма геополитической слепоты. Капиталистический рынок глубоко нестабилен, он перманентно бьется в конвульсиях кризисов, а транснациональные корпорации спят и видят, как использовать торговую зависимость для удущения молодой социалистической державы через санкции и экономический шантаж.

Наш ответ мировому капиталу — **абсолютная автаркия**. Экономика артельного социализма обязана быть полностью самодостаточной. Мы опираемся исключительно на собственные ресурсы, собственные заводы и собственный рабочий класс. Только полная экономическая независимость в границах нашей ядерной крепости гарантирует, что маховик нашего благополучия никогда не остановится из-за чужих интриг или рыночных штормов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.